

риже» (Париж, 1966). Седьмой сб. «**Последние стихи**» и мемуары «**Мое детство**» были отредактированы ее друзьями М. Слонимом и В. Андреевым и вышли после кончины писательницы. В послевоенный период П. играла важную роль в умеренно левом крыле лит. лагеря (А. Ладинский, В. Корвин-Пиотровский, В. Андреев и др.). «Она неизменно принимала участие в вечерах и собраниях русской колонии, особенно если они были посвящены делу поддержки живущих или памяти ушедших писателей, часто на память цитируя стихи многих своих друзей» (Мое детство. Т. 1. С. 5).

Ее творчество в это время посвящено осмыслению пережитого и оценке Второй мировой войны, оно проникнуто острым ощущением трагических событий, растерянности человека перед мировыми катаклизмами. П. сумела найти яркие формы для выражения внутреннего протеста и гнева по отношению к происходящему. «Только б жизнь не начать сначала, / Ту, что так нелегко прожита, / Я лечу, меня укачала / Пустота, пустота, пустота» (Последние стихи. С. 43).

Архив поэтессы (в Б-ке ун-та штата Иллинойс, Урбана), собиравшийся в течение всей ее жизни, содержит ценные материалы по истории русской и мировой культуры.

Соч.: Разговор с памятью. Париж, 1935; Солнечный произвол. Париж, 1937; Полдень. Париж, 1939; Берега. Париж, 1953; Встреча. Париж, 1958; Весна в Париже. Париж, 1966; Последние стихи. Париж, 1973; Мое детство. Париж, 1973.

Лит.: Адамович Г. [Рец.: Разговор с памятью] // Последние новости. 1935. 20 июня; Даманская А. [Рец.: Разговор с памятью] // Сегодня. 1935. 6 июля; Ходасевич В. [Рец.: Разговор с памятью] // Возрождение. 1935. 25 июля; Пильский П. [Рец.: Солнечный произвол] // Сегодня. 1937. 4 июля; Цетлин М. [Рец.: Солнечный произвол] // Совр. записки. 1937. № 64; Осокин С. [Андреев В.] [Рец.: Полдень] // Русские записки. 1939. № 20–21; Терапиано Ю. [Рец.: Встреча] // Опыты. 1958. № 9; Трубецкой Ю. [Рец.: Встреча] // Новый ж. 1958. № 55; Рубисова Е. [Рец.: Весна в Париже] // Современник. 1966. № 13; Померанцев К. С. Ю. Прегель // Померанцев К. Сквозь смерть: Воспоминания. Лондон, 1986.

М. А. Айвазян

ПРИБЛУДНЫЙ Иван (настоящее имя Яков Петрович Овчаренко) [1(14).12.1905, с. Безгиново Старобельского у. Екатеринославской губ.— 13.8.1937, Москва, Бутырская тюрьма] — поэт.

Украинец. Родился в крестьянской семье. Рано потерял мать. Не закончив 4-классной

земской школы, отправляется в 1920 в скитания по Украине, во время которых вступает добровольцем во 2-ю Черниговскую дивизию Котовского, где служит ездовым у начальника особого отдела И. Крылова. Здесь за ним закрепляется прозвище Приблудный, ставшее впоследствии его лит. именем. Летом 1921 П. приезжает в Москву, где по рекомендации Крылова его принимают в интернат для одаренных детей. В окт. 1922 поступает (без экзаменов, а только по прослушивании его стихов) в руководимый В. Я. Брюсовым Высший лит.-худож. ин-т.

В 1923 П. знакомится (через В. Наседкина) с Есениным, с которым входит в довольно близкие отношения, становясь чуть ли не членом его семьи, его «адъютантом» и в силу своего спортивного «имиджа» его «телохранителем». Есенин интересуется лит. успехами П., упоминает о нем в переписке со своими корреспондентами, пишет ему самому письма (утрачены при аресте П.); в некрологе на смерть Брюсова называет его в числе лучших студентов лит. института, считает своим учеником и дает ему колоритную оценку: «Замечательная стерва и талантливый поэт, очень хороший...» (Мануйлов В. А. О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. М., 1986. Т. 2. С. 185). Выступления П. (чаще всего вместе с Есениным) тепло принимаются публикой; людям, встречавшим его вместе с Есениным, он запомнился «очень

И. Приблудный

талантливым мальчиком», стихи которого «поражают» своей красочностью и звучностью» (Назарова А. Воспоминания // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 136).

Что же касается личных черт П., то современники отмечают: «По натуре Иван Приблудный был честным, добродушным человеком, большим шутником, весельчаком, но где-то в глубине его глаз таилась грусть» (А. Скрипов); «В институте учился молодой талантливый поэт, силач Иван Приблудный — красивый широкоплечий парень, которого Есенин очень любил» (Чихачев П. Московские встречи // Дон. 1958. № 3. С. 160); упоминаются также освещенное «безоблачной мальчишеской улыбкой и горячими карими глазами» простое открытое лицо, сильный, с «мягкой хрипотцой» голос.

Первые стихи П. появляются в 1923 в ж. «Красная нива» и сб. «Рабочая весна». Отмечая вскоре эти публикации, В. Львов-Рогачевский назвал их автора «талантливым, темпераментным юношей, находящимся под влиянием Есенина, и выразил уверенность, что тот не замедлит примкнуть к группе „Перевол“» (Львов-Рогачевский В. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы). В 1923 готовится к печати и сб. стихов **«Гость из Украины. Стихи. 1923, январь — июль»** (в свет не вышел, макет хранится в РО ИМЛИ).

По расформировании в 1925 Брюсовского лит. ин-та П. переводится в Ленинградский ун-т, откуда после смерти Есенина возвращается в Москву. В 1926 выпускает в изд-ве «Никитинские субботники» свою первую книгу **«Тополь на камне»**, узловое стих. которой — **«Город кирпичный, грозный, огромный...»** — напечатано с посвящением: «Любимому учителю моему Сергею Есенину». Значительная часть книги уделена впечатлениям детства, картинам родного края с удачным воссозданием в них украинского колорита с помощью локально-географической лексики (гай, шляха, левада, баштаны, хутор, човен), пейзажа («Зреют белые личики хат...»), в общем ощущении присущего этому краю простора: «Пахнут дали зрелым хлебом, / Шелестит камыш...» Не менее существенную часть «Тополя» составляют стих. программного для новокрестьянской поэзии характера, в которых автор выступает принципиальным антиурбанистом, представителем «крестьянской купницы», миссия которого — нести в холодный бездушный город «тепло... долин» своей деревенской «лунной родины». На волне конфликта между естественно-при-

родным началом и искусственно-цивилизированным развивается и собственно лирическая тема книги, автор которой, заявив о том, что принес в город свое «воловье здоровье», вынужден тут же поделиться и своей надеждой: «Лишь бы дали с годами расцвести, / Остальное со мной расцветет». В любимой он видит далекую от горожанок, с их прихотливыми повадками («Надоела пудренная стая, / Хитрые повадки, что ни день...»), женщину, живущую естественными чувствами, близкую к природе: «Теплая, здоровая, крутая, / Ты, как нива, вспаханная мной...»

В 1931 выходит второй и последний сб. стихов П. **«С добрым утром»**, в котором развитие основных тем предшествующей книги дополняется разделом «Взбудораженные дни» (**«Ливнем Октября освежена...»**, **«Пятилетка»** и проч.).

Художническое видение П. исключительно реалистично, его лирика тепла, задушевна, с налетом здорового юмора, язык легкий, прозрачен (не обременен метафорами), ритм стиха музыкальный, не случайно некоторые стихи П. приобретали в кругах московской богемы хождение песни (например: **«Прощай, подруженька, ты девочка гулящая...»**). По отношению к поэзии новокрестьян старшего поколения стих П. более энергичен и мажорен, что соответствует и более жизнерадостному мироощущению самого поэта. «Непочатым степным здоровьем веет от Приблудного... Никакого надрыва у Приблудного нет. Избыток сил сказывается и в его склонности к балагурству, что совершенно чуждо и Есенину и Наседкину», — отмечал исследователь, тут же добавляя: «Но он прославляет все органическое, стихийное, связанное более с инстинктом, чем с разумом, совсем не увлекается темой о пробуждающемся сознании» (Розанов И. Русские лирики. М., 1929. С. 87). Этот несвойственный поэтам-новокрестьянам старшего поколения оптимизм имеет и свою обратную сторону. Так, если мотив памяти у Есенина развивается в тесном сопряжении с темой национальной истории и мифологии, создавая весьма глубокий образ лирического героя и напряженное поле его многозначного бытия, то у П. «вспоминаемые эпизоды детства» подаются «в описательной манере, методом простого перечисления», что лишает звучание этого мотива «той драматической, а зачастую и трагической тональности», которая присуща Есенину (Савченко Т.— С. 126).

Оставшись без Есенина и не имея своего жилья, П. ведет неустроенный, бесприютный образ жизни, ночуя у приятелей, знакомых

и просто в подъездах. Попытка обзавестись жилплощадью не дает результатов. С иронией и горечью он пишет об этом в своих стихах. П. послужил прообразом героя романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Ивана Бездомного (Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М., 1990. С. 272). Во второй половине 1920-х ОГПУ завербовывает П. в качестве своего негласного сотрудника. Это, однако, не только не приносит ожидаемых результатов, но несостоявшийся осведомитель в 1931 расклевывает себя, а само ОГПУ пытается убедить в том, что оно «преувеличивает политическое значение поступающих в его распоряжение агентурных данных о политической нежелательности поведения тех или иных лиц» («„Дело“ Ивана Приблудного...»). Этот поступок обходится П. тремя годами ссылки в Астрахань. Одновременно в том же 1931 его исключают из СП (восстановлен посмертно в 1988), а критические упоминания о нем начинают носить исключительно негативный характер. Отмеченный в 1927 В. Красильниковым как наиболее талантливый поэт «из молодого поколения выдвинутцев Октября», он характеризуется теперь как создатель «вредных и плохих стихов», как автор «беспартийного „Доброго утра“, с которым «нужно решительно бороться» (Гладков Л. Из внутренней рец. на сб. «С добрым утром» // ЦГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 140), его поэзия расценивается как «история погружения крестьянского парня из зажиточной семьи в болото богемы нэповского города» (Селивановский А. Очерки по истории русской советской поэзии. М., 1936. С. 180). По возвращении из Астрахани П. выступает со стихами, в основном только носящими характер злободневно-политического заказа.

В 1937 П. был арестован по сфабрикованному обвинению в принадлежности к «террористической группе из среды поэтов», к которой причисляются также В. Наседкин, П. Васильев, И. Макаров, Г. Есенин (сын поэта) и др. Как показывают материалы следствия, мужественно отрицавший свою вину П. не дал ни на кого показаний. Последний автограф П.— надпись на стене тюремной камеры: «Меня приговорили к вышке. Иван Приблудный».

Соч.: Тополь на камне. М., 1926; С добрым утром. М., 1931; Стихотворения. М., 1986.

Лит.: Скрипов А. И. П. Приблудный: Краткий очерк жизни и творчества // Донбасс. 1963. № 6; Милонов Ю. Об Иване Приблудном // День поэзии. М., 1969; Дубинский И. Крестник чекиста: Поэт Приблуд-

ный — Иван Овчаренко // Портреты и силуэты. М., 1987; Бишарев О. Ученик Есенина. Донецк, 1989; «Дело» Ивана Приблудного / публ. С. Волкова // Наш современник. 1992. № 3; Савченко Т. Сергей Есенин и Иван Приблудный: По неопубликованным материалам // О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. М., 1994. Вып. 1; Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. М., 1995. С. 229.

А. И. Михайлов

ПРИГОВ Дмитрий Александрович [5.11. 1940, Москва] — поэт, прозаик.

Один из ведущих представителей московского концептуализма — «направления в искусстве, прозе и поэзии последних двадцати лет советского строя, возникшего как эстетическая акция на „зрелый“ социалистический реализм, искусство застоя и его реальность» (Руднев В. Словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С. 137). Отец — инженер, мать — пианистка. По окончании школы 2 года работал на заводе слесарем. Учился на скульптурном отделении Худож.-промышленного ин-та (бывшее Строгановское уч-ще, 1959–66), после чего работал в Главном архитектурном управлении Москвы (1966–77). В те же годы, по собственному признанию, руководил театром в МГУ — «играл и писал и режиссировал» (**Подобранный Пригов**. С. 247). С 1975 член Союза художников СССР, участник мн. худож. выставок в России и за границей.

Д. А. Пригов